

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 10.10.2020
рецензирования: 15.11.2020
принятия: 26.02.2021

**Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств
в досудебном производстве по уголовному делу**

С. Б. Россинский

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению истребования как одного из наиболее простых, сугубо «технических» досудебных приемов, направленных на собирание предметов и документов, подлежащих потенциальному приобщению в качестве доказательств к материалам уголовного дела. Исходя из predetermined УПК РФ обязанности исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами требований, поручений и запросов органов дознания и предварительного следствия, автор считает истребование одним из основных способов собирания тех доказательств, которые вводятся в уголовный процесс в готовом виде, а именно: вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности. Одновременно анализируются проблемы уголовно-процессуального регулирования истребования предметов и документов; рассматривается процессуальный порядок и наиболее приемлемые прикладные технологии его осуществления в повседневной правоприменительной практике.

Ключевые слова: досудебное производство; истребование доказательств; представление доказательств; собирание доказательств; уголовно-процессуальное доказывание.

Цитирование. Россинский С. Б. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-82-88>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2021

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 10.10.2020
Revised: 15.11.2020
Accepted: 26.02.2021

**Reclamation of objects and documents as a way of collecting evidence
in pre-trial proceedings in a criminal case**

S. B. Rossinskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: This article is devoted to the consideration of the appeal as one of the most simple, purely «technical» pre-trial techniques aimed at collecting objects and documents that are subject to potential attachment as evidence to the materials of a criminal case. On the basis of the predefined code of criminal procedure obligations upon all institutions, enterprises, organizations, officials and citizens with the requirements, instructions and requests of bodies of inquiry and preliminary investigation, the author considers the discovery as one of the main ways of collecting the evidence, introduced in a criminal trial in finished form, specifically: physical evidence, other documents, conclusions of the expert, the results of investigative and administrative activities. At the same time, the problems of criminal procedure regulations of the reclamation of objects and documents are analyzed, the procedural order and the most acceptable applied technologies for its implementation in everyday law enforcement practice are considered.

Key words: pre-trial proceedings; reclamation of evidence; presentation of evidence; collection of evidence; criminal procedural proof.

Citation. Rossinskiy S. B. *Istrebovanie predmetov i dokumentov kak sposob sobiraniia dokazatel'stv v dosudebnom proizvodstve po уголовному делу* [Reclamation of objects and documents as a way of collecting evidence in pre-trial proceedings in a criminal case]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-82-88> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Rossinskiy S. B., 2021

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, professor of the Department of Criminal and Procedural Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Sadovaya-Kudrinskaya Street, Moscow, Russian Federation.

Для успешного решения задач, стоящих перед досудебным производством по уголовному делу, законодатель наделяет органы дознания и предварительного следствия целым арсеналом правовых, в том числе юрисдикционных, механизмов, обеспечивающих накопление полезной информации, подлежащей дальнейшему использованию при обосновании правоприменительных решений. Важнейшее место среди этих механизмов, вне всяких сомнений, занимают следственные действия, то есть познавательные приемы, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства.

Вместе с тем, как уже неоднократно отмечалось в публикациях ученых-процессуалистов [1, с. 57–58], в том числе и автора настоящей статьи [2, с. 95–96], далеко не все существующие виды доказательств появляются именно в ходе производства следственных действий; наряду с показаниями (ст. 76–79 УПК РФ) и протоколами (ст. 83 УПК РФ) законодатель предусматривает и другие средства доказывания, в частности вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Более того, в современной следственной и судебной практике достаточно активно используются результаты оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти, которые, не будучи отнесенными к автономным видам доказательств, тем не менее оказывают неоценимую пользу для установления различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Все подобные доказательства «рождаются» вне процессуальных правоотношений и поступают в распоряжение органов предварительного расследования как уже сложившиеся познавательные ресурсы – в состоянии некоей «готовности к употреблению», поэтому просто приобщаются в качестве доказательств («вводятся» в уголовный процесс) или не приобщаются – в случае невозможности или целесообразности их признания средствами процессуального доказывания.

В этой связи механизмы досудебного производства по уголовному делу объективно требуют более простых, сугубо «технических» способов собирания доказательств. И одним из указанных способов, как известно, является *истребование доказательств*, которое заключается в передаче различными государственными (муниципальными) органами, должностными лицами, физическими и юридическими лицами предметов и документов для приобщения к уголовному делу по прямому властному требованию (велению) следователя¹.

¹ Для упрощения изложения материала в качестве должностного лица, осуществляющего досудебное производство по уголовному делу, в настоящей статье рассматривается только следователь. При этом предполагается, что дознаватель в части собирания доказательств наделен аналогичными полномочиями.

Таким образом, истребование необходимо разграничивать с иным, как бы родственным «техническим» способом собирания доказательств в досудебном производстве – представлением. В отличие от представления, состоящего в добровольной передаче различных предметов и документов для приобщения к уголовному делу, истребование осуществляется именно по инициативе следователя, а не по свободному волеизъявлению «вторых» участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Возможность истребования потенциальных доказательств в настоящее время вытекает лишь из ч. 4 ст. 21 УПК РФ, согласно которой требования, поручения и запросы следователя, предъявленные в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Кроме того, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ говорится о праве истребования предметов и документов в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении.

Нетрудно заметить, что указанные правовые нормы в определенной степени находятся в более выигрышном положении по сравнению с положениями УПК РФ, предопределяющими право на представление предметов и документов. Ведь соответствующие полномочия следователя распространяются помимо участников уголовного судопроизводства (как это регламентировано в части представления²) на достаточно широкий круг субъектов. Однако четкий порядок истребования законодателем также не установлен, что обуславливает ничуть не меньшую правовую неопределенность и детерминирует ничуть не меньшие затруднения в правоприменительной практике. Поэтому указанные проблемы постоянно находятся в зоне внимания ученых-процессуалистов [3, с. 13; 4, с. 88–91; 5, с. 41; 6, с. 133–136].

Много вопросов вызывает содержание этих самых полномочий, в пределах которых следователю вроде бы разрешено давать указания о направлении в свой адрес различных предметов и документов. По крайней мере, ни в ст. 38 УПК РФ, ни в других нормах закона такие полномочия не предусмотрены, равно как и не установлены допустимые границы их реализации. О содержании данных полномочий можно судить лишь по косвенным

² Напомним, что, согласно действующему УПК РФ, правом представления предметов и документов (доказательств) прямо наделены только подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики, а также защитники, представители и законные представители (в судебном заседании этим правом также наделены государственные и частные обвинители). Иными словами, возможность представления доказательств как бы увязана с формально-определенным статусом соответствующего субъекта-инициатора, а также с его обязательной принадлежностью к стороне обвинения или стороне защиты.

признакам. Так, на основании вытекающего из п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ постулата об относительной процессуальной самостоятельности следователя возможно предположить о его праве на истребование любых предметов и документов у любых субъектов, за исключением случаев, подпадающих под специальные правовые режимы, обусловленные особым статусом определенных лиц или особым характером искомой информации. Например, в соответствии со ст. 26 Закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» справки по различным счетам и банковским операциям выдаются органу предварительного следствия лишь при наличии согласия руководителя следственного органа³. То есть в этой части полномочия следователя ограничиваются ведомственным контролем (на практике соответствующий запрос вообще зачастую исходит не от самого следователя, а прямо от руководителя следственного органа). В свою очередь, ч. 3 ст. 183 и ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ устанавливают специальные правила производства отдельных видов выемок, что, по всей вероятности, предполагает недопустимость получения соответствующих предметов и документов путем истребования как более простого по сравнению с выемкой способа собирания потенциальных доказательств и т. д.

Не меньшее количество вопросов возникает в связи с уклонением законодателя от формулирования четких оснований, детерминирующих возможность истребования предметов или документов. Так, при буквальном толковании все той же ч. 4 ст. 21 УПК РФ создается впечатление, что истребование предполагает весьма широкую сферу применения и может использоваться в любой следственной ситуации, связанной с необходимостью получения следователем каких-либо объектов, имеющих значение для уголовного дела. Однако подобный подход совершенно нежизнеспособен, поскольку не учитывает волеизъявления «вторых» участников уголовно-процессуальных правоотношений. Ведь вполне очевидно, что истребование как «технический» способ собирания потенциальных доказательств, не обремененный чрезмерными юридическими гарантиями, применимо лишь в случае готовности этих лиц добровольно подчиниться властному велению следователя и передать ему (направить в его адрес) для приобщения к уголовному делу запрашиваемые предметы или документы. Истребование, справедливо пишет А. Н. Кузнецов, применимо лишь в случае твердой уверенности субъекта уголовной юрисдикции в выполнении предъявляемых им требований [4, с. 88]. Иными словами, подобный механизм изначально рассчитан на правомерное поведение «вторых» участников уголовно-процессуальных

правоотношений, на беспрепятственное исполнение законных требований следователя, в связи с чем он не обеспечивается государственным принуждением [6, с. 134; 7, с. 27]. Хотя ради справедливости все же следует обратить внимание на предусмотренную ст. 17.7 КоАП РФ административную ответственность за невыполнение таких требований.

В этой связи в научных публикациях уже не раз предпринимались попытки, направленные на формулирование правовых условий использования данного способа собирания потенциальных доказательств. Причем наиболее распространенной является позиция, в соответствии с которой следователь может прибегнуть к истребованию: а) если заранее точно известны сами предметы и документы, подлежащие приобщению к уголовному делу, а также известно, где и у кого они находятся; б) если нет оснований опасаться невыполнения «вторыми» участниками уголовно-процессуальных правоотношений требования о передаче этих предметов или документов следователю, в частности их сокрытия, повреждения или уничтожения [8, с. 65; 9, с. 105].

Подобная позиция вызывает лишь одно возражение: авторы почему-то забывают исключить из нее вышеупомянутые случаи, которые в силу закона требуют обязательного производства выемки на основании судебного решения (например, связанные с необходимостью получения документов, содержащих государственную, врачебную, аудиторскую или иную охраняемую законом тайну и т. д.). В остальном предлагаемые правовые условия истребования предметов и документов вполне разумны и приемлемы для использования в правоприменительной практике. Таким образом, истребование потенциальных доказательств следует ограничивать от выемки как процессуального приема, предполагающего принудительное изъятие различных предметов и документов и поэтому обремененного более существенными юридическими гарантиями: обязательным вынесением постановления (иногда получением судебного решения), протоколированием, разъяснением прав участвующим лицам и др.

В научных публикациях вообще достаточно часто обращается внимание на недопустимость или на нецелесообразность осуществления полноценной выемки в случаях, позволяющих обойтись истребованием как более простым и не подразумевающим принудительного воздействия способом получения потенциальных доказательств [10, с. 8; 11, с. 65]. Вместе с тем ввиду отсутствия надлежащей правовой регламентации истребования и существования указанных рекомендаций исключительно в доктринальных источниках практические работники далеко не всегда придают им какое-либо значение, продолжая проводить выемки предметов и в особенности документов, тем самым лишь увеличивая объемы уголовных дел и создавая дополнительные трудности как себе, так и «вторым» участникам уголовно-процессуальных

³ Это же требование находит отражение и в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

правоотношений. Показательным примером является следующий случай. В ходе расследования уголовного дела, находящегося в производстве одного из следственных подразделений УВД Брянской области, возникла необходимость в получении договора об оказании услуг, заключенного между обвиняемым и одной московской коммерческой организацией. В телефонном разговоре со следователем руководитель организации дал понять, что в случае поступления соответствующего письменного запроса готов направить все требуемые документы по почте или передать их любым другим удобным способом. Однако следователь вместо подготовки запроса оформил служебную командировку, лично приехал из Брянска в Москву, явился в офис организации, где произвел выемку указанного договора.

Истребование также необходимо отличать от следственного осмотра и обыска как невербальных следственных действий, состоящих в чувственной перцепции различных материальных фрагментов объективной реальности. Как уже неоднократно отмечалось автором настоящей статьи, сущность этих приемов сводится не столько к самому «техническому» завладению, предметами (ценностями) или документами, сколько к их визуальному (иногда иному) восприятию в целях установления факта их нахождения в определенном месте (у определенного лица), а также познания их внешних признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Тогда как «техническое» завладение, то есть изъятие объектов, — лишь завершающий элемент указанных следственных действий, обеспечивающий их сохранение при уголовном деле и возможность дальнейшего использования в процессе доказывания (хотя для справедливости следует напомнить, что в отличие от следственного осмотра обыск в силу ч. 1 ст. 182 УПК РФ уже изначально предполагает перспективу подобного изъятия). И в этой связи во многих публикациях совершенно справедливо говорится о возможности истребования предметов или документов лишь при отсутствии следственного интереса к естественной среде их нахождения [6, с. 134; 12, с. 39–40].

Несколько безразличное отношение законодателя к процессуальной регламентации истребования потенциальных доказательств предопределяет существование еще одного серьезного нормативно-правового пробела — отсутствие четкой и понятной для правоприменителей процедуры реализации предоставленных им государственно-властных полномочий. Кстати, некоторые авторы вовсе не расценивали указанный изъян как ошибку или упущение, поскольку вообще не видели в более сильной формализации истребования особого смысла [11, с. 66]. Однако согласиться с подобным подходом достаточно сложно. Процедура истребования предметов или документов ввиду своего сугубо обеспечительного, «технического» характера действительно не нуждается в столь жестких юридических гарантиях, коими обременены след-

ственные действия. Но она все же требует некоего процессуального режима, обуславливающего эффективные прикладные технологии и обеспечивающего единообразие правоприменительной практики.

В научных публикациях уже неоднократно предлагались различные варианты подобной процедуры. Наиболее обстоятельно она рассмотрена в работах В.А. Семенцова, который сводит ее к трем последовательно выполняемым действиям: а) составлению и направлению письменного требования; б) доставлению требуемого предмета или документа в орган предварительного расследования и отражению указанного факта и индивидуальных признаков доставленного объекта в материалах уголовного дела; в) приобщению предмета или документа к уголовному делу после его процессуальной проверки и оценки [9, с. 105].

В целом данная позиция представляется вполне разумной и логичной. Вместе с тем, она имеет некоторые весьма спорные нюансы, поэтому нуждается в более пристальном внимании. Во-первых, достаточно сложно поддержать предложенную уважаемым автором форму исходящего от субъекта-инициатора документа, который В. А. Семенцов называет требованием. Конечно, причины возникновения такой идеи вполне понятны: по всей вероятности, они обусловлены все той же ч. 4 ст. 21 УПК РФ, предполагающей полномочия следователя по направлению неких требований, а также родственным (однокоренным) характером данного термина по отношению к термину «истребование». Однако подобный подход вряд ли хорошо приживется в правоприменительной практике, поскольку противоречит многолетним традициям органов предварительного расследования. Любому специалисту, хоть немного знакомому с тонкостями следственной работы, прекрасно известно, что требованием принято называть государственно-властное распоряжение несколько иного, как правило, «внутреннего» характера (например, обращенное к администрации следственного изолятора веление о временной выдаче содержащегося под стражей обвиняемого для проведения следственных действий и т. п.). Тогда как «внешнее» обращение в государственные (муниципальные) органы, организации и т. д. обычно оформляют в виде запроса, содержащего официальные реквизиты, предусмотренные общими правилами делопроизводства и документооборота. Думается, что именно в запросе и должны находить свое выражение обращенные ко «вторым» участникам уголовно-процессуальных отношений властные веления следователя о предоставлении требуемых для приобщения к делу предметов или документов. Тем более что возможность направления следственных запросов также вытекает из содержания ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

Для полноты освещения рассматриваемой проблемы стоит обратить внимание, что в уголовно-процессуальной науке встречаются и принципиально иные точки зрения. Например, А. Н. Кузнецов вообще отвергает идеи о составлении требований и запросов, предлагая заменить их специальным

постановлением об истребовании [4, с. 89–90]. Такая позиция однозначно ошибочна, поскольку не соответствует единому законодательному подходу, предполагающему необходимость вынесения постановлений лишь в случаях использования тех способов собирания доказательств, которые подкреплены внутренним принуждением.

Вызывает некоторые возражения и предложенная В. А. Семенцовым технология непосредственной передачи истребуемых предметов или документов в распоряжение органа предварительного расследования – посредством сопроводительного письма, отвечающего общим правилам делопроизводства и документооборота. В принципе подобный порядок представляется совершенно разумным и заслуживает безусловной поддержки, но лишь в части взаимодействия с государственными (муниципальными) органами, должностными лицами и организациями, то есть теми субъектами, которые могут обеспечить некую официальность данной процедуры, то есть присвоить письму регистрационный номер, заверить его печатью и т. д. Тогда как для истребования предметов или документов у частных лиц более целесообразной представляется иная прикладная технология – составление соответствующего акта приема-передачи.

К слову, в публикациях, посвященных данной проблематике, встречаются и некоторые другие предложения по фиксации факта передачи требуемых объектов в распоряжение следователя. Отдельные ученые ратуют за оформление указанного процессуального действия соответствующим протоколом [4, с. 90; 6, с. 136; 7, с. 28; 13, с. 50]. Согласиться с таким предложением также достаточно сложно, поскольку указанный порядок просто-напросто уподобит истребование выемке, лишит его процессуальной автономности и какого-либо практического смысла.

И наконец, последнее. Совершенно неверным представляется тезис о включении в структуру процедуры истребования акта процессуальной легализации полученных предметов или документов – решения об их приобщении к уголовному делу как полноценных (допустимых) средств доказывания, принимаемого по результатам их надлежащей проверки и оценки. Подобное решение нельзя расценивать как сугубо «технический» способ собирания доказательств, как элемент обычной передачи каких-либо объектов в ведение следователя; оно имеет несоразмерно более высокое (юрисдикционное) значение – именно посредством издания такого следственного акта истребованные (равно как и полученные в порядке представления) предметы и документы приобретают подлинную юридическую силу, то есть из потенциальных доказательств превращаются в доказательства реальные, допустимые, пригодные к использованию для обоснования приговоров (иных важнейших правоприменительных решений).

Вообще потребность в издании таких юрисдикционных актов детерминирована общими подходами к уголовному судопроизводству как к одной из форм публичного правоприменения, подразумевающими возникновение новых, изменение или прекращение существующих правоотношений (состояний) не иначе как путем вынесения соответствующих решений. В уголовном процессе такие акты-решения выполняют роль юридических фактов, предопределяющих возможность реализации предусмотренных законом полномочий органов предварительного следствия, прокуратуры, суда, а также прав и обязанностей иных участвующих в деле лиц [14, с. 23]. Поэтому издание подобного акта – действительно необходимый юридический маневр, требуемый в каждом случае приобщения представленных или истребованных предметов либо документов к уголовному делу (если, конечно, следователь убедится в их познавательной ценности и посчитает такое приобщение необходимым). Однако указанное решение – это уже отдельный этап работы с представленными или истребованными объектами, наступающий лишь после их надлежащей проверки и оценки на предмет относимости, допустимости и достоверности; его понимание как одного из элементов технического «введения» соответствующих объектов в уголовное дело представляется неверным.

В завершение следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. В настоящее время законодатель четко определяет порядок издания специального юрисдикционного акта только в отношении признания и приобщения к материалам уголовного дела вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81, ч. 2 ст. 81.1 УПК РФ). Процедура легализации иных документов регламентирована в гораздо более слабой степени. Она подразумевает некое юрисдикционное решение, условия вынесения которого установлены только для судебных стадий уголовного судопроизводства (ст. 286 УПК РФ), тогда как в контексте досудебного производства – лишь угадываются по смыслу закона. А в части признания и приобщения к материалам уголовного дела заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной и административной деятельности подобный порядок вообще не предусмотрен, что вынуждает правоприменителей «вводить» указанные материалы в уголовное дело исключительно посредством «технических» приемов (подшивать к делу) – без издания специального юрисдикционного акта.

В этой связи мы выражаем надежду, что в обозримом будущем законодатель наконец обратит внимание на указанные нормативные изъяны и приступит к их постепенному устранению. Однако данные вопросы уже не входят в замысел настоящей статьи и предполагаются к рассмотрению в иных публикациях.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18, № 2. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>.
2. Росинский С. Б. Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 91–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103>
3. Федоров В. И. Значение представления и истребования доказательств для обоснования процессуальных решений по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ имени Д. И. Курского, 1990. 18 с.
4. Кузнецов А. Н. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 88–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22000571>.
5. Семенцов В. А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 39–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23236466>.
6. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: ОМА МВД России, 2015. 172 с. URL: http://kostacademy.gov.kz/novosti/2018/07/sledstv_deyastviy_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27321004>.
7. Судницын А. Б. Истребование и изъятие предметов (документов) при проверке сообщения о преступлении // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 4 (25). С. 26–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istrebovanie-i-izyatie-predmetov-dokumentov-pri-proverke-soobsheniya-o-prestuplenii/viewer>.
8. Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие): учеб.-практич. пособие. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2003. 297 с. URL: <https://lawbook.online/rossii-sudoproizvodstvo-ugolovnoe/dosudebnoe-proizvodstvo-upk-rossiyskoy.html>.
9. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве. Москва: Юрлитинформ, 2017. 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28160655>.
10. Ратинов А. Р. Обыск и выемка. Москва: Юрид. лит., 1961. 201 с. URL: https://www.studmed.ru/ratinov-a-r-obysk-i-vyemka_b99d4a57a32.html.
11. Ларин А. М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: сб. науч. тр. Ташкент: Ташкентская ВШ МВД СССР, 1982. С. 62–68.
12. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе: учебное пособие / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
13. Сазонова Т. П. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 19. С. 48–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istrebovanie-predmetov-i-dokumentov-kak-sposob-sobiraniya-dokazatelstv/viewer>.
14. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2010. 238 с. URL: https://www.studmed.ru/lupinskaya-pa-resheniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve_62f4eca248a.html.

References

1. Lazareva V. A. *Dokazatel'stvo kak kategoriiia ugolovno-protsessual'nogo prava: novye (starye) podkhody* [Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches]. *Pravovaia paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8> [in Russian].
2. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv kak «pervyi» etap dokazyvaniia po ugolovnomu delu* [Gathering evidence as a «first» stage of proving in a criminal case]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, vol. 6, no. 3, pp. 91–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103> [in Russian].
3. Fedorov V. I. *Znachenie predstavleniia i istrebovaniia dokazatel'stv dlia obosnovaniia protsessual'nykh reshenii po ugolovnomu delu: avtoreferat dis. ... kand. iurid. nauk* [Value of the presentation and claims of evidence to substantiate procedural decisions in a criminal case: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Saratov: SJuI imeni D. I. Kurskogo, 1990, 18 p. [in Russian].
4. Kuznetsov A. N. *Istrebovanie predmetov i dokumentov kak sposob sobiraniia dokazatel'stv* [Documents and material evidence reclamation as a means of collection of evidence]. *Sudebnaia vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2012, no. 1, pp. 88–91. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22000571> [in Russian].
5. Sementsov V. A. *O sootnoshenii sledstvennykh i inykh protsessual'nykh deistvii, prednaznachemykh dlia sobiraniia dokazatel'stv* [The ratio of investigative and other procedural actions, intended to gather evidence]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 2, pp. 39–45. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23236466> [in Russian].
6. Kalnitskiy V. V., Larin E. G. *Sledstvennye deistviia: ucheb. posobie* [Investigative actions: textbook]. Omsk: OMA MVD Rossii, 2015, 172 p. Available at: http://kostacademy.gov.kz/novosti/2018/07/sledstv_deyastviy_2015.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27321004> [in Russian].

7. Sudnitsyn A. B. *Istrebovanie i iz"iatie predmetov (dokumentov) pri proverke soobshcheniia o prestuplenii* [Reclamation and seizure of things (documents) when checking a crime report]. *Vestnik Sibirskogo iuridicheskogo instituta FSKN Rossii* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2016, no. 4 (25), pp. 26–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istrebovanie-i-izyatie-predmetov-dokumentov-pri-proverke-soobscheniya-o-prestuplenii/viewer> [in Russian].
8. Yakimovich Yu. K., Pan T. D. *Dosudebnoe proizvodstvo po UPK Rossiiskoi Federatsii (uchastniki dosudebnogo proizvodstva, dokazatel'stva i dokazyvanie, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие): учеб.-практич. пособие* [Pre-trial production under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (participants of the pre-trial production, evidence and proof, initiation of criminal case, inquiry and preliminary investigation): teaching and practical guide]. Saint Petersburg: Iuridicheskii tsentr «Press», 2003, 297 p. Available at: <https://lawbook.online/rossii-sudoproizvodstvo-ugolovnoe/dosudebnoe-proizvodstvo-upk-rossiyskoy.html> [in Russian].
9. Sementsov V. A. *Sledstvennye deistviia v dosudebnom proizvodstve* [Investigative actions in pre-trial production]. Moscow: Iurlitinform, 2017, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28160655> [in Russian].
10. Ratinov A. R. *Obysk i vyemka* [Search and seizure]. Moscow: Iurid. lit., 1961, 201 p. Available at: https://www.studmed.ru/ratinov-a-r-obysk-i-vyemka_b99d4a57a32.html [in Russian].
11. Larin A. M. *Istrebovanie i predstavlenie predmetov i dokumentov v stadii rassledovaniia* [Reclamation and representation of subjects and documents under investigation], in *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniia proizvodstva sledstvennykh deistvii: sb. nauchnykh trudov* [Topical issues of improving the production of investigative actions: collection of scientific papers]. Tashkent: Tashkentskaia VSh MVD SSSR, 1982, pp. 62–68 [in Russian].
12. Sheifer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniia dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse: uchebnoe posobie. Otv. red. P.A. Lupinskaia* [Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal procedure: textbook, P. A. Lupinskaya (Ed.)]. Moscow: VluZI, 1972, 130 p. [in Russian].
13. Sazonova T. P. *Istrebovanie predmetov i dokumentov kak sposob sobiraniia dokazatel'stv* [Vindication of items and documents as a manner of collecting evidences]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South-Ural State University], 2009, no. 19, pp. 48–51. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istrebovanie-predmetov-i-dokumentov-kak-sposob-sobiraniya-dokazatelstv/viewer> [in Russian].
14. Lupinskaya P. A. *Resheniia v ugolovnom sudoproizvodstve. 2-e izd., pererab. i dop.* [Decisions in criminal proceedings. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Norma, 2010, 238 p. Available at: https://www.studmed.ru/lupinskaya-pa-resheniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve_62f4eca248a.html [in Russian].